

Фатинья Арбузина

Сюрреализм с элементами обнаженной женщины

16+

Фатинья Арбузина

Сюрреализм с элементами обнаженной женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30490470

SelfPub; 2018

Аннотация

Оля, будучи школьницей, постоянно терпела насмешки со стороны одноклассницы. Спустя несколько лет она по-прежнему не может избавиться от массы своих комплексов и мечтает только об одном – поквитаться с обидчицей.

Оля не любила вспоминать школьные годы. Потому что они не оставили ей ни одного хорошего воспоминания. Но иногда они ей снились. Сегодня Оле приснилось, что она снова сидит за партой, в окружении одноклассников. И почему-то без трусов. Этого еще никто не замечает, но вот-вот она встанет, и тогда все увидят, что снизу она совсем голая. Оля нервничает и надеется, что встать не придется. Но ее вызывают к доске, и она идет, прикрываясь, смущенная, а одноклассники, кажется, и внимания особого не обращают. Или это она, полностью поглощенная своим смущением, не обращает внимания на других. Во всяком случае, реакция одноклассников ей не приснилась.

Оля не стала заглядывать в сонник, как раньше. Она уже давно заметила, что сны не сбываются. Сонник постоянно врал, и, когда предсказывал что-то хорошее, и, слава богу, когда предсказывал что-то плохое. Но за кружкой горячего утреннего чая она невольно унеслась в мыслях на много-много лет назад, словно пытаюсь опять разобраться, почему она выросла именно такой.

Оля, казалось, уже родилась несчастным ребенком. Она была единственной дочерью и причиной бракосочетания своих родителей. Возможно, ее любили в младенчестве, но она, сколько не пыталась, не могла вспомнить, как ее берут на руки и качают, как играют с ней погремушками и смеются над ее забавными ужимками, как мама кормит ее грудью. Ах, как дорого отдала бы она за эти воспоминания! Но сейчас

Оля тщетно пыталась вытащить из недр своей памяти картинки хотя бы с мамиными объятьями или поцелуями. Целовать у них в семье было не принято. Оля даже не помнила, целовала ли она маму в детстве. Наверное, нет, иначе эта привычка вошла бы с ней и в более сознательный возраст. У нее было единственное краткое воспоминание о маминой нежности, которое она бережно хранила. Тогда они с мамой лежали на диване, Оля обняла ее, а мама перебирала ей волосы, разговаривая с папой. Вот только Оля не могла вспомнить, сколько ей тогда было лет, кажется, восемь или десять, да это и не важно. Важно другое, в последнее время она стала все чаще задумываться, не было ли это просто механическим бессознательным жестом. И немножко боялась ответа.

С последним глотком чая Оля проглотила и комок, привычно вставший в горле от воспоминаний о доме. Она автоматически выполняла утренние ритуалы, не мешавшие ей думать. Но сейчас она думала уже о предстоящем дне, который обещал быть таким же безрадостным, как и большинство дней ее жизни. Да, ничего не должно было раскрасить новый день яркими красками, даже несмотря на то, что сама Оля с утра до вечера только этим и занималась – создавала яркие и красочные иллюстрации к детским книжкам. Вот уже два года Оля работала при книжном издательстве в качестве художника-оформителя. Нельзя сказать, что она была очень недовольна этим фактом. В подмосковном городке, где Оля провела свое скучное детство и унылые школьные

годы и куда лишь изредка приезжала теперь, чтобы навестить родителей, Оля с гордостью сообщала знакомым, что она – художник, и именно этим зарабатывает себе на жизнь. В свою очередь, знакомые следовали распространенному стереотипу, что творческие люди непременно все являются знаменитостями, а поскольку художник – человек творческий, записали в знаменитости и Олю. Оле подобное отношение льстило, и она, как могла, поддерживала это невинное заблуждение в бывших односельчанах. Но на самом деле о знаменитости она только и могла, что фантазировать по-прежнему. Как в детстве, когда мечтала о собственной выставке и о том, что однажды в ней признают талантливого живописца. Но если в детстве создавать шедевры мешало отсутствие опыта, то теперь этому, как ни парадоксально, мешала работа художником.

И все-таки, этот день следовало бы отметить красным, или, наверное, лучше черным, в календаре Олиной жизни, если бы она знала наверняка, к чему приведет одно небольшое событие, случившееся именно в этот день. Хотя, если уж говорить совсем придирчиво честно, во всем случившемся виновато не событие (это был просто телефонный звонок), и даже не Олино решение, принятое после телефонного звонка (это было всего лишь «да»), а целая цепочка событий, происходивших ранее в Олиной жизни, и параллельно ей, и еще многих событий, происходивших потом. А если мы станем еще честнее и сорвем обличье со всех этих собы-

тий, то тогда уже виновниками случившегося окажутся чувства, эмоции, привычки, характеры и темпераменты тех, кто их творил, поскольку событие всегда происходит по причине всех этих характеристик человеческой сущности, а произойдя, обязательно вызывает в данных характеристиках определенные и далеко не всегда предсказуемые, перемены, которые, в свою очередь, становятся причинами новых событий.

Однако не будем говорить загадками, а лучше вернемся к тому, чем должен был запомниться этот день. Итак, это был всего лишь телефонный звонок. Бывшая Олина одноклассница, а теперь учительница в той самой школе, которую Оля с радостью покинула пять лет назад, пригласила Олю на первый в их жизни вечер встречи выпускников. И Оля, на удивление самой себе, согласилась почти с радостью. Вечер встречи должен был состояться через две недели, и даже для вечно медлительной Оли этого времени было достаточно, чтобы подготовиться к нему, как следует. К тому же, несмотря на собственную неудовлетворенность профессиональными успехами, Оля была уверена, что никто из одноклассников не может похвастаться чем-то подобным, поскольку все остальные выбрали весьма заурядные профессии, и что ее наверняка по примеру всех тамошних знакомых будут приветствовать как знаменитость. Оля, хоть и с волнением, но вместе с тем с большим удовольствием предвкушала этот вечер, ведь жизнь так редко давала ей повод потешить собственное самолюбие.

Вечером она с упоением рассуждала о грядущем событии с тетей Машей. Тетя Маша была давней подругой Олиной бабушки и хозяйкой квартиры, в которой Оля жила с первого курса. По паспорту тетя Маша была младше бабушки всего на несколько лет, но по своему мировоззрению казалась чуть ли не Олиной ровесницей, и только накопленная с годами жизненная мудрость выдавала в ней человека гораздо более зрелого, нежели сама Оля. Это удивительное сочетание современных взглядов на жизнь, способности понять все и вся и целого сундука полезных советов на все случаи душевных переживаний сделали тетю Машу едва ли не самой лучшей Олиной подругой. Впрочем, так оно и было на самом деле, и только устойчивые стереотипы не позволили бы Оле признать, что ее лучшей подруге уже за шестьдесят, если бы вообще Оле пришла в голову мысль подумать об этом.

Если бы у Оли спросили, кто ее лучшие подруги, она бы назвала двух своих однокурсниц, с которыми она дружила вот уже пять лет. Правда, те, обе коренные москвички, были знакомы еще до института, но они как-то сразу и безоговорочно приняли Олю в свою маленькую компанию. Олю, привыкшую с детства к равнодушию (и это было еще самое безобидное!) со стороны ровесников, внимание девушек поначалу настораживало, в каждом их действии она искала подвох и насмешку. Потом, когда прошли месяцы, а девушки дружили с Олей по-прежнему, она стала переживать о том,

что это ненадолго и не всерьез, что дружба их вот-вот закончится. Каждую новую приятельницу, вливавшуюся в их компанию в тот или иной отрезок времени, или даже просто знакомую девушку, присоединявшуюся к ним на каком-нибудь мероприятии, Оля воспринимала в штыки всей своей внутренней сущностью, видя в ней потенциальную конкурентку на ее место лучшей подруги. Но и эти ее опасения оказались напрасными, и дружба продолжалась даже сейчас, спустя три месяца после окончания института. И, несмотря даже на это, Олю не оставляло ощущение третьей лишней. Лиза и Настя были гораздо более открытыми и дружелюбными по отношению к миру, чем сама Оля, они были активистками и всеобщими любимицами в своих школах, а потом и в институте, у них было огромное множество друзей и знакомых, для Оли же весь круг ее знакомых, кроме однокурсников, составляли исключительно приятели ее подруг. Никакой другой жизни за стенами института у нее не было. Все, что происходило в ее жизни хорошего, происходило исключительно по инициативе Лизы и Насти. Они приглашали ее на выставки и концерты, вытаскивали на встречи со своими школьными друзьями, организовывали совместный отдых в санатории от института, и, наконец, просто постоянно звали ее к себе в гости.

Для любвеобильной, в хорошем смысле этого слова, Лизы, которая тоже была единственным ребенком в семье, тихая, скромная Оля была поначалу кем-то вроде заботливо

опекаемого инопланетного существа, сторонившегося окружающих, но со временем она привязалась к ней по-настоящему и полюбила, как родную сестру. Лизе нравилось наблюдать, как Оля раскрывается рядом с ними, как она позволяет себе веселиться и радоваться жизни. Правда, иногда Оля под излишне чутким взглядом новообретенной сестры чувствовала себя подопытным кроликом, и, понимая, что Лиза видит ее насквозь, снова закрывалась в своей настороженной скорлупке.

Настя же, в отличие от Лизы, была жутко самовлюбленной эгоисткой. Поэтому наличие еще одной поклонницы в своей свите она приняла вполне благосклонно. Благодарная за то, что ее выбрали в друзья, Оля часами с удовольствием и восхищением выслушивала Настины рассказы об ее активной жизни. Настя, как и Лиза, тоже любила послушать Олины, гораздо более скромные рассказы о ее жизни, но в отличие от Лизы, которой была интересна сама суть человека, Настя любила выслушивать чьи-то исповеди только для того, чтобы давать потом свои непререкаемые советы. Она вообще обожала командовать, причем у нее это получалось совершенно естественно и непринужденно, так что все вокруг, подчиняясь ее капризам, нисколько не ощущали себя марионетками в Настиных руках. Не ощущала этого и Оля, наоборот, нерешительная и неуверенная в себе, она с готовностью следовала за Настей по пятам и выполняла все ее распоряжения. Впрочем, распоряжения – это строго сказано, Настя просто

организовывала подруг во время совместного времяпрепровождения. Лизу иногда это выводило из себя, и тогда, оставшись наедине с Олей, она жаловалась ей на подружку. В такие минуты Оля была на седьмом небе от счастья. Но обычно Лизе и Насте было комфортнее друг с другом, чем в компании с Олей, именно вдвоем они знакомились с интересными парнями, а потом, разумеется, тоже вдвоем, отправлялись на свидания с ними. И какие-нибудь особенно веселые приключения тоже происходили именно тогда, когда девушки отправлялись куда-то без Насти. Дело не в том, что они не брали ее с собой. Просто бывали ситуации, когда Оля не могла или не хотела составить им компанию – то в силу природной лени и часто одолевающего ее уныния, то потому, что уезжала домой к родителям на выходные или каникулы. И потом, слушая восторженные рассказы подруг, Оля понимала, что всегда будет оставаться в стороне от бурного веселья, потому что она сама по себе является его вечным тормозом, и в ее присутствии ничего подобного произойти попросту не может.

А сейчас, сидя в маленькой хрущевской кухоньке у тети Маши, Оля рассказывала своей непризнанной лучшей подруге про школьные годы. Рассказывала впервые с тех пор, как скромным волчонком переступила порог этой квартиры пять лет назад. Тогда они были еще едва знакомы, а Оле свойственно было длительное привыкание к людям; потом

же учеба в институте и новые впечатления отодвинули далеко на задний план этот безрадостный период ее жизни.

В школе Оля была застенчивым и незаметным существом. Ее натуре, вообще, было свойственно умение радоваться жизни и веселиться от души, но происходило это только в кругу тех людей, с которыми Оля ощущала себя комфортно, которые были давно ей знакомы и любили ее такой, какая она есть. Такой, веселой и игривой, ее с детства знали ее тетя и дядя, и шумная тройка их детей. Такой ее знала лучшая школьная подруга, Настя. И вот что удивительно, пока Оля не познакомилась в институте с другой Настей, то имя это ассоциировалось у нее исключительно с образом странненькой фантазерки в неопрятной одежде, скрывающей ставшее в выпускном классе доступным любому, кто проявит к ней хоть какое-то внимание, тело. Именно эта Настина доступность и стала причиной их разрыва – если раньше Оля просто стыдилась своей единственной подруги, то теперь откровенно брезговала ею. Новая Настя со временем изменила образ имени в Олином восприятии. Оля иногда даже ловила себя на мысли, что ей бы хотелось самой носить это имя, что благодаря ему и сама Оля стала бы другим человеком. Настя из института была для своих многочисленных друзей и поклонников Настеной, Настюшей, Настенькой, Стасей, Настасьей. А как по-королевски величественно звучало, когда ее называли Анастасия! Сама Оля, глядя на то, как окружающие мило коверкают имена подруг (Лизу тоже обычно на-

зывали Лиззи) попыталась в какой-то момент превратиться в Лелю, но не пошло. Она не могла обращаться так сама к себе, у Насти с Лизой, привыкших звать ее Олей, новое имя не прижилось, ну а кроме них, называть ее Лелей было некому.

Надо сказать, что это имя – Леля – пришло в Олину голову не случайно. Лелей звали Олину одноклассницу, самую высокую и красивую девочку в классе. Леля была Олиным палачом. Если другие просто не замечали Олю, то Леля над ней постоянно надсмехалась и не упускала случая съехидничать за ее спиной, но непременно так, чтобы Оля это услышала. Оля до сих пор задумывалась иногда над тем, почему объектом для насмешек Леля выбрала именно ее. Не ее странненькую подружку Настю, не крупную, вонючую Люську, не вульгарную Альку, а скромную и неприметную отличницу Олю Курицыну. То ли все дело было в огромных роговых очках, которые носила Оля (единственная из всего класса!), то ли в том, что она, в отличие от троичницы Лели, была отличницей и регулярной победительницей олимпиад. Конечно, Оля никогда не замечала в Леле рвения к учебе, но кто его знает, что было у нее в голове. Леля, кстати, тоже когда-то была Олей. Но однажды она пришла в школу и объявила, что теперь ее будут звать Лелей, и даже не отзывалась, если кто-то из одноклассников по привычке обращался к ней по-прежнему. Это было классе в шестом, и уже год спустя называть красавицу Олю Лелей было так же естественно, как дышать. Оле тогда показалось, что Леля придумала себе новое имя исключи-

тельно из-за нее. Порой она просто поражалась размаху Лелиной ненависти в свой адрес и тщетно силилась понять, что же в ней так сильно отталкивает Лелю. Оля то жалела себя, то едва ли не бичевала за то, что есть в ней что-то гадкое, что вызывает отвращение у ее красивой одноклассницы. Конечно, выглядела Оля неважно. Сутулая, с блеклыми волосами, которые казались вечно неопрятными из-за своей непослушности, белесыми ресницами, придававшими ее лицу, и без того унылому и, как говорила Леля, пришибленному, некоторую лупоглазость. Олины родители очень много работали, но мало зарабатывали, и потому не могли позволить купить для своей дочери хорошую одежду. Оля ходила в школу в дешевых и безвкусных вещах, отчего ее художественное чутье безмерно страдало. Сколько раз она вдохновенно подходила к своему шкафу с твердым намерением прийти в школу в новом образе, но взгляд ее безнадежно упирался в пару потрепанных брюк, простую черную юбку и две блузки. Ах да, и еще в красный пиджак с тетиного плеча, чуть более широкого, чем Олино. Вдобавок ко всему, Оля была замкнутой и тихонькой, словно мышка. Сходство с мышью придавали ей и тусклые серые волосы, и Оля не раз слышала, как Леля, вздыхая, называла ее мышью. После короткого курса психологии в институте Оля увлеклась разбором причин собственной неуверенности. Начитавшись всевозможных статей, она во всех своих бедах обвинила родительское равнодушие, мамину отстраненность от взрослеющей дочери, скупой гарде-

роб, и наличие в классе врага по имени Леля. Правда, иногда Оля задумывалась над тем, почему в таком случае при таких же вечно работающих, да еще и часто пьющих родителях, та же Алька, вульгарная и одевавшаяся, кстати, еще хуже, чем Оля, была веселой и разудалой девчонкой без комплексов? А ее подружка Любка? А кривоногая Ирка, которая не только дружила с Алькой и Любкой, но еще и была лучшей школьной подружкой Лели? Но факт остается фактом – тихой, согнувшейся под тяжестью своих комплексов и нищей одежды была только Оля, и гнобили только ее. Обычно это делала Леля, но иногда, спровоцированная Лелей на отчаянный и потому глупый поступок, Оля подвергалась критике и насмешке уже всего класса. Так было, например, когда Леля сообщила ей, что Люська приглашает всех девочек на свой день рождения. Простодушная Оля, которую впервые пригласил на день рождения кто-то кроме странненькой Насти, начала расспрашивать Люську, когда приходить и что подарить. Люська потом с удовольствием прямо за ее спиной (они возвращались из школы) рассказывала Леле и всем остальным девочкам о том, как Оля напрашивалась к ней на день рождения. Оля шла впереди, готовая сгореть от стыда и ненавидела в этот момент больше Люську за ее злой длинный язык, чем Лелю за ее подлый обман. В другой раз Леля долго ехидничала над Олей по поводу ее влюбленности в главного красавчика их класса Серегу. Что греха таить, Оля и вправду была влюблена в него, так же, как и добрая половина

всех одноклассниц, но именно ее влюбленность, естественно, казалась Леле заслуживающей особого внимания. Не выдержав, Оля бросилась к доске и написала там в отместку: «О.М.+С.Е.=любовь». Потом, сжавшись за своей партой и ругая себя за несдержанность, она слушала громкие пересуды вокруг себя. Особенно тяжело было услышать полное искреннего сочувствия замечание одного из одноклассников: «Да, Курицына, у тебя, оказывается, и правда, с головой проблемы!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.